

Виноградова Наталя Михайлівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

РЕЛИГИЯ ЯПОНЦЕВ И ПРОБЛЕМЫ АНТИЦИПАЦИИ

Многовековые неизменные духовные и религиозные ценности народа «Страны восходящего солнца» неизменно поражают и поражают современный мир. Настойчивая приверженность японцев к ритуалам и строгое соблюдение традиционных норм поведения, отчасти объясняется их склонностью к антиципации, которая позволяет им мотивировать свои действия и поступки, опираясь на их вероятные результаты. По мнению исследователя А. Бандуры, способность к антиципации позволяет человеку мотивировать свои действия, на их возможные последствия. Предыдущий опыт обуславливает ожидание того, что определенные ритуальные действия способны создать значимые преимущества, ожидания других – не приводят к существенным желаемым результатам, а третьи только отдалают негативные последствия.

Японцы превратили совершаемые ими ритуалы в мотивационные факторы поведения, как отражение синтоистских, буддийский и даен-буддийских представлений. Заметим, что в начале появления буддизма в Японии данная религия выступала не только в качестве регулятора социальных отношений, но и отношений между человеком и государством. Упреждая социальные волнения и государственные перевороты, правители именно в буддизме усматривали защитника и охранителя государства от беспорядков и бунтарей.

В отличие от Индии, где и зародился буддизм, религиозная община была независимой от государства. В Японии же сангха оказалась под жестким государственным контролем, который записан согласно Нихон-секи ввела правительница Суйхо в 613 году. Формально причиной тому послужило убийство монахом своего отца. Пользуясь случаем, Суйхо жестко потребовала, чтобы монахи придерживались заповедей. Жизнь их строго контролировалась многочисленными указами, которые регламентировали их поведение и лояльность властям. Прежде всего от них требовалось полное повиновение правителям. Так в указе Гэнсё гневно порицаются монахи, проводящее время в спорах о карме, а не размышляющие о соблюдении заповедей. «Главным они считают святое учение, а не планы императора» (Сёку Нихонги 6-7-10, 722). Государство придавало соблюдению монахами заповедей первостепенное значение. Видимо, именно заповеди, пришедшие на смену табуациям синто, считались одной из главных мер в процессе социализации. В сознании японцев соблюдение заповедей и повиновение государственным законам находилось в неразрывной связи. Как отмечал знаменитый учитель и монах Кукай, «не соблюдение заповедей и неповиновение законам, замутняют Закон Будды и подрывают государство» (Хакада, 1972, с.247).

Для контроля за поведением монахов правительница Суйко учредила должности содзё и содзу, на которые были поставлены сами монахи. Однако более высокий пост хото она доверила светскому лицу, упразднив таким образом независимое от государства существование буддийской общины. Даже бродячие в горах монахи, обязаны были пройти официальное т.е. утвержденное Двором, посвящение.

Укрепление буддизма сопровождалось усилением централизации власти в которой был заинтересован могущественный правящий клан. В указе правителя Дзюнина, правившего в VIII веке делается акцент на то, что «управлять государством невозможно, если не обрить голову и не облачиться в одежду монаха».

До появления буддизма в стране, противопоставление «культурное - природное» воспринималось как противопоставление правителя и синтоистских божеств. С принятием новой религии правитель отождествлялся с буддизмом, а «природное» отождествлялось с локальными синтоистскими божествами. Также буддизм стал опорой и служилой знати, которая тщетно искала свою нишу в структуре родо- племенной аристократии. Японские аристократические кланы возводили свои родословные к «небесным божествам» синтоистского пантеона и отсекали любые попытки хундордных фамилий нарушить сложившийся порядок. Желаям доказать свое высокое происхождение и титул (кабанэ) предлагалось пройти церемонию очищения. Правдивость их слов устанавливалась через погружение рук в кипящую воду: предполагалось, что лжец не пройдет такое испытание. Служилая знать создавалась из местной аристократии, чья мифическая генеалогия не фигурировала в общегосударственном своде и их божества не входили в пантеон. Этот факт стал причиной обращения незнатных фамилий в буддийское вероучение. Поскольку генеалогическое установление строго поддерживалось и исключало изменение происхождения, то некоторые родовые кланы пытались поднять свой статус путем принятия буддизма через его трактовку в синтоистском традиционном ключе: бог-Будда как охранитель рода, т.е. удзигами. Конечно, вести свою родословную от самого Будды они не осмеливались, однако, даже на считая его своим предком, все же почитали.

Для понимания причины принятия буддизма в Японии, следует выяснить функциональные различия буддизма и синтоизма. Эти религии выполняли не только различные социально-политические, но и идеологические задачи, но и воздействовали на материально-практическую и интеллектуальную деятельность. Носители синтоистских языческих верований формировали свой культ на основе почитания богов духов-предков, божеств гор, богов природных явлений, местных божеств, чья власть имела локальное значение. Способность служителей языческих культов к антиципации позволила им мотивировать свои действия и «открывать счастье и несчастье, удачу и неудачу в промысле, что где случилось или где находятся похищенные вещи, хотя бы очень далеко унесены были» [13, с. 15]. Превосходство своей веры они усматривали еще в том, «что им жить в ней легко и вольно».

Постоянная борьба с разрушительными последствиями природных катаклизмов создали особый тип мироощущения японцев. Они научились партнерскому отношению к природе, священное почитание которой исключало пренебрежительное и потребительское отношение к ней. Японцы веками демонстрируют чудеса трудолюбия, сплоченности и преданности своим ценностям и идеалам. Потребность в этической оценке поступков людей, культивирование преданности императору и стране, общая установка на дидактичность сформировала характер японцев. Жертвенность, стойкость перенесения моральных и физических страданий как уникальные генетические черты японского народа. Готовность расстаться с жизнью, уверенность в том, что настоящий человек не принадлежит самому себе, укоренилась в сознании жителей страны. Строгая субординация стала маркером, напоминанием принадлежности к коллективу, преданности лидерам, преданность, которая стоит выше личных чувств и интересов. Традиционная конфуцианская мораль, пришедшая с материкового Китая, намертво вросла в японскую этическую модель поведения и принудила японцев постоянно помнить свое место в обществе и неукоснительно руководствоваться чувством долга в работе, семейном быту и социуме.

Долг чести мотивирует поведение и результаты деятельности японцев, которые не позволяют быть некомпетентными в том, чем они занимаются. Не менее эффективным элементом социального контроля японца является чувство стыда и

зависимости («амае»). Последнее буквально впитывается с молоком матери и красной нитью проходит не только через поведение отдельного человека, но и через социальные группы (семья, учебные заведения, фирмы и т.д.). «Амае» культивирует почтительность по отношению ко всем, кто занимает более высокое статусное положение.

Чувство стыда – это не просто личное переживание, но и осознание вреда, который нанесен коллективу. Причем расплатой за нанесенный ущерб может быть даже суицид. На добровольный уход их жизни способен решиться и спортсмен, чья ошибка привела команду к поражению, и преподаватель, компетентность которого вызвала сомнение у коллег и студентов. Понятие «трудолюбие» отождествляется у японцев с добродетелью многие века. Климатические условия проживания страны с традиционно большим населением требовали значительных усилий для обеспечения продовольствием. Крестьяне, которые достигали больших успехов в ведении хозяйства и получали высокие урожаи, отмечались властями высоким признанием за их труд специальными табличками, т.е. грамотами. Те же, кто освоил склон горы или осушил болото, получал статус самурая-земледельца («госи»). Отношение к нищим со стороны общества было негативным и редко сочувственным. Труд был непреложной обязанностью в том числе и буддийских монахов. Крестьянский труд, по мнению дзен-буддийского монаха Судзуки Сёсан (1579- 1655), приравнивался к буддийской практике: «Перепахивая землю и собирая урожай, всем сердцем следует отдаваться возделыванию полей. Как только вы даёте себе отдых, страсти и желания нарастают, когда вы трудитесь в поте лица, ваше сердце спокойно. Таким образом вы занимаетесь буддийской практикой круглый год». Эта традиция поддерживается и в сегодняшней Японии, переместившись в офисы, на фабрики и студенческие аудитории и лаборатории. Интенсивность труда и достаточно скромное вознаграждение остаются на уровне самых высоких показателей в мировой экономике. Результатом работы до изнеможения становятся невроты и психические расстройства, которые являются последствием жесткой конкурентной борьбы и личных драм. Боязнь оказаться лузером, жажда признания и успеха преследует японцев. Если до наступления эпохи Мэйдзи люди мало беспокоились о своем будущем в условиях сословной системы государства и наследования должностей, то XX век создал возможности социального лифта, как вертикальной мобильности, так и социальной деградации. Ключом к успеху японцы считают конфуцианскую установку на получение хорошего, престижного образования, которое откроет широкие возможности и перспективы.

Как видим, религиозные и духовные ценности страны «Восходящего солнца» успешно раскрыли способности японцев действовать и принимать решения с определенным временно-пространственным упреждением будущих событий, которые прочно удерживают страну в числе лидеров экономического и культурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. Санкт-Петербург, 2003.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб: Евразия, 2000. – 320 с.
3. Мельникова Е.В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект) / Е.В. Мельникова. – М. : Диалог культур, 2006 . – 303 с.
4. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины – М.: Наука, 1988.
5. Накорчевский А. А. Синто. Санкт-Петербург, 2000.
6. Нихон сёки (Анналы Японии). – Токио, 1975.
7. Нихон рёики, 1967.- Нихон рёики. Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 70. Токио, 1967.
8. Островская Е. А. – мл. Тибетский буддизм. Санкт-Петербург, 2002.

9. Предсмертные стихи самураев. Харьков. «Фолио», 2014.
10. Религия в истории и культуре. Москва, 2000. Под редакцией М. Г. Писманика.
11. Синтоизм от А до Я. Москва. Восток-Запад, 2007.
12. Хакада, 1972.- Yoshito S. Nakada. Kukai. Major Works. N. Y.- L., 1972. - с. 242
13. Хомич Л.В. Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев// Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. – Л., 1979.